

Н. А. Хренов¹

ОТ ЭСТЕТИКИ К КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ ГЕОРГОМ ЛУКАЧЕМ МАРКСИСТСКОГО ВАРИАНТА ЭСТЕТИКИ

Георг Лукач — ученый, рецепция идей которого в XX веке весьма прихотлива. В биографии Лукача имеют место периоды признания и периоды забвения. То обстоятельство, что Лукач был не только ученым академического толка, но и политиком, в еще большей степени усложняет его научную биографию. Первая половина XX века для Лукача — это эпоха признания и популярности, о чем свидетельствуют публикации его работ, в том числе книги «История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике», повлиявшей на становление той философской системы в западной философии, которую называют Франкфуртской школой. В России эта книга была опубликована лишь в 2003 году. Если говорить о публикациях Лукача в нашей стране, в советских периодических изданиях, то он часто печатался в не совсем официальном журнале «Литературный критик». Показательна, например, публикация статьи Лукача о романе в «Литературной энциклопедии», которой предшествовал его доклад в секции литературы Института философии Коммунистической академии, послуживший поводом для шумной литературной дискуссии, опубликованной в журнале «Литературный критик».

Лукач воспринимается последовательным марксистским теоретиком, хотя его единомышленники — марксистские идеологи — постоянно называли его «путаником» и «уклонистом». Забвение Лукача (имеется в виду лишь ситуация в России) объясняется угасающим интересом к марксизму вообще, связанным с осознанием политической катастрофы в России как следствия марксистских идей. Возможно, в данном случае проявляется расхождение между реальным Лукачем и рецепцией Лукача, как и его сочинений, что, естественно, всегда является проблемой применительно к любому ученому, в том числе к Бахтину.

Фундаментальное сочинение по эстетике было задумано Лукачем еще в начале своего творческого пути, но по разным причинам не осуществилось. Так, во вступлении к «Эстетике» он пишет, что первый ее набросок сделал еще в 1911–1912 годах, будучи во Флоренции, и приступил к его разработке в 1912–1914 годах в Гейдельберге. Но если просмотреть биб-

лиографию его трудов, можно увидеть, что многие его публикации посвящены эстетическим вопросам. На этом основании можно заключить, что на протяжении всей жизни он работал над своей системой. Но окончательно оформить ее смог лишь в 1960-е годы.

Лукач не страдал догматизмом, что было присуще многим эстетикам 1930-х годов — периода, когда его теория романа подвергалась критике со стороны философов-марксистов. «Но если бы в собранных вместе и расположенных в систематическом порядке высказываниях классиков марксизма, — пишет он, — сохранилась развернутая система эстетики или хотя бы ее завершённый остов, осталось бы только снабдить собранные материалы добротным сопроводительным текстом — и марксистская эстетика предстала бы перед нами в готовом виде. Но об этом и речи быть не может»².

На протяжении всей истории науки Лукач прослеживает тенденцию к дезантропоморфизации, которая в Новое время получает качественный скачок и в XX веке развертывается в специфической социальной среде с присущей ей дегуманизацией³. Реальность второй половины XX века свидетельствует, что параллельно с прорывом в гуманитарной сфере, чему немало способствовало оживление в искусстве эпохи «оттепели», в рефлексии об искусстве активизировалась позитивистская установка. Так, третье рождение социологической рефлексии об искусстве, сопровождавшееся конкретно-эмпирическими исследованиями, свидетельствовало об активизации позитивизма.

В своей системе эстетики Лукач сопоставляет роман как жанр и существующую с эпохи Винкельмана эстетику, которую он хорошо знает и с позиции которой аргументирует свои основные идеи. Лукач убежден, что роман — это форма, получившая свое полное развитие лишь в эпоху капитализма и уходящая с этой эпохой в прошлое. С этой точки зрения Лукачу приходится, подчас даже вопреки историческим фактам, доказывать, что вся предшествующая история романа — лишь движение к этой эпохе. То обстоятельство, что роман — лишь поздняя форма литературы, доказывает, как считал Лукач, и тот факт, что существующая со времени Винкельмана эстетика, для которой единственным образцом является античная эстетика, этой литературной формы не замечает⁴. В соответствии с лукачевской логикой, до эпохи капитализма истории романа не было, а было лишь движение к этому жанру в его окончательном и завершённом виде.

Лукач не был поклонником авангардного искусства, и в этом отношении разделял заблуждения, присущие марксистской эстетике в целом. Но в новом искусстве он, как философ, угадывает главное. В частности, в авангардных художественных течениях он за-

¹ Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «Человек играющий» в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Ответственный редактор периодических выпусков сборника «Теория художественной культуры». Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

² Лукач Г. Своеобразие эстетического. М., 1985. Т. 1. С. 8.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 19.

мечает то, что бессильны выявить в них поклонники и противники марксистской эстетики. «Между тем, как мы видим — именно в новейшем искусстве, и именно в его крайнем, самом авангардном крыле, все больше обнаруживается господство фундаментальных стилистических принципов искусства, связанного с религией, и тем самым намечается разрыв с образно-предметными традициями развития западноевропейского искусства»¹. Это замечание не противоречит сказанному Лукачем о том, что авангардистское искусство служит художественным выражением анархического, нигилистического индивидуализма². Более того, сам Лукач считает, что такой индивидуализм не может скрыть того, что «переживания, лежащие в основе главных существенных произведений авангардизма, возникли из религиозной потребности, а форма этих произведений определяется содержанием данных переживаний»³.

Этот вопрос настолько занимает Лукача, что он снова и снова повторяет эту мысль и подробно на этом останавливается. Он сочувственно цитирует мысль Т. С. Элиота о том, что без религии никакая культура невозможна. Вспоминая С. Кьеркегора, А. Камю с его образом Сизифа и Л. Толстого, Лукач говорит, что Достоевский «пророчески увековечил в различных художественных типах проблематику религиозного атеизма задолго до того, как его кризисность стала очевидной». Лукач подчеркивает, что пережитками прошлого эту религиозную потребность не объяснить. «Религиозная потребность наших дней — это (с общественной точки зрения) субъективно необходимая потребность, следовательно, нечто, неизбежно вызываемое существенными, действительными социальными силами эпохи, независимо от того, насколько искаженно отражает способ их проявления производимую и воспроизводимую ими действительность и насколько искаженно он на нее реагирует»⁴.

Нарастание процессов дезантропоморфизации в истории Лукач считает частным проявлением социальных форм отчуждения, которые впервые становятся предметом осмысления у Гегеля (ему Лукач посвятил исследование, а в нем — специальную главу об отчуждении), затем у Маркса. В 1960-е годы, в момент завершения труда Лукача по эстетике и публикации ран-

них рукописей Маркса, проблема отчуждения становится весьма актуальной. В «Эстетике» Лукачу важно представить творческий акт как диалектический: одновременно и отчуждение, и воссоздание объективной картины мира в произведении искусства, и снятие отчуждения с помощью субъективности, очеловечивания этой картины мира.

В последний период своего творчества Лукач создал фундаментальное, но пока не оцененное по достоинству в нашей стране четырехтомное сочинение, имеющее отношение уже не к литературе. Это философское сочинение по эстетике «Своеобразии эстетического». Конечно, в марксизме были попытки создания аналогичного труда по философии искусства (от Плеханова до Лифшица). Однако данное сочинение Лукача превосходит аналогичные марксистские труды. Сочинение Лукача по эстетике можно сопоставить лишь с сочинением по философии искусства Гегеля, которого Лукач хорошо знал и на чьи идеи часто ориентировался. В первом томе своей «Эстетики» он прямо пишет о том, что «философский универсализм концепции Гегеля, присущий ей исторический и систематический синтез остается образцом для любого построения эстетики»⁵.

Лукач — не единственный теоретик-марксист в области литературы и искусства. Но его поздняя работа по эстетике — единственная марксистская работа, которая вполне приемлема и для нашего времени⁶. В своем позднем фундаментальном труде он впервые предпринимает изложение эстетики как научной системы. В России эта книга была издана в период угасания интереса к марксистской мысли, в связи с чем не получила того широкого признания, которого, несомненно, заслуживает. Видимо, осознание значимости этого труда еще впереди. В настоящее время вышло его второе издание. Это оправданно.

Говоря о второй половине XX века как времени забвения Лукача, мы имеем в виду, разумеется, лишь Россию. Иное дело — восприятие Лукача на Западе. Молодежные волнения конца 1960-х годов пробудили интерес к марксистской теории и соответственно — к наследию Лукача. В данном случае, так же как и в случае с Бахтиным, можно говорить о новом рождении Лукача, его признании и понимании.

¹ *Земляной С.* Победоносное поражение. Ненаписанная книга Георга Лукача о Достоевском // Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 15.

² *Лукач Г.* Своеобразие эстетического. М., 1987. Т. 4. С. 372.

³ Там же. С. 402.

⁴ Там же. С. 457.

⁵ *Лукач Г.* Своеобразие эстетического. М., 1985. Т. 1. С. 8.

⁶ Нам довелось организовывать издание учебного пособия по эстетике и теории искусства XX века и хрестоматии к этому пособию. Пришлось думать о том, включать ли в хрестоматию тексты теоретиков-марксистов, представлять ли вообще марксистскую мысль в эстетике XX века, в том числе и текст Лукача. Мы так и не решились это сделать. Сегодня приходится сожалеть, что в эту хрестоматию не был включен фрагмент из его работы «Своеобразие эстетического», касающийся понимания катарсиса.